

НУЖНА ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИСТОРИИ: К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.B25.31.0009).

Рассматривается проблема использования концепции идентичности при анализе жизненных стратегий исторических фигур в свете критики этой концепции, осуществленной Р. Брубейкером. На примере деятельности Сидония Аполлинария, галло-римского аристократа V в. н.э., предпринята попытка раскрыть эпистемиологические возможности концепции идентичности. Сделан вывод, что концепция идентичности обладает объяснительным потенциалом при исследовании жизненных стратегий и интенций исторических персонажей.

Ключевые слова: идентичность; историческая наука; методология истории; исторический источник; Сидоний Аполлинарий.

В 2004 г. профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, социолог Роджерс Брубейкер опубликовал книгу, получившую впоследствии широкую известность, – «Ethnicity without groups». Среди прочих дискуссионных вопросов современной социологии и социальной антропологии в фокус его внимания в этом исследовании попала концепция идентичности. Анализируя место и роль этой концепции в современной исследовательской культуре, Р. Брубейкер указал на то, что «слово “идентичность”... обыкновенно означает слишком много (когда понимается в сильном смысле) или слишком мало (когда понимается в слабом смысле) или вообще ничего не означает (из-за его полнейшей неопределенности)». Под сильным и слабым смыслами исследователь подразумевает соответственно эссенциалистскую и конструктивистскую трактовки идентичности. Если недостатки первой достаточно очевидны – они происходят от объективации умозрительной концепции, – то вторая (конструктивистская), с точки зрения Р. Брубейкера, обладает неявным, но также существенным изъяном. Конструктивизм как панацея от эссенциалистского понимания привел к тому, что ведущими характеристиками идентичности стали бескрайнее умножение и динамическая текучесть. Из-за этого утратился эпистемиологический смысл самой концепции, поскольку идентичность – это соотнесение с жестким набором характеристик, открывающим возможность генерализации. Принцип конструирования идентичности делает эти характеристики переменными, ситуативными, индивидуализированными. Соответственно, это отрицает любые обобщающие выводы [1. С. 61–63].

Размывая характеристики конкретных идентичностей, «слабый» подход делает неопределенными и рамки самого понятия. Как пишет Р. Брубейкер, «кризисы становятся хроническими (хотя это оксюморон); и мнимые кризисы идентичности становятся столь частыми, что этим разрушается всякий смысл, какой когда-либо могло иметь это понятие. <...> Библиографическая выборка показывает, что “кризисы идентичности” приписывались не только обычным подозреваемым – более всего этнической, расовой, национальной, гендерной и сексуальной идентичностям – но также таким разнородным вещам, как Галлия V века, профессия лесничего, гистологи, французский

медицинский корпус времен Первой мировой войны, интернет, качари, специальное образование в Индии, специальное образование для маленьких детей, медсестры французских больниц, воспитатели детских садов, телевидение, социология, группы японских потребителей, Европейское космическое агентство, Министерство международной торговли и промышленности Японии, Китай Пасифик Эйрвейз, пресвитериане, ЦРУ, университеты, Клокс, Шевроле, юристы, компания San Francisco Redevelopment Agency, черная теология, шотландская литература XVIII века, а также наши любимцы – шерстокрылые ископаемые» [1. С. 67]. В контексте данной статьи интересно упомянуть Р. Брубейкером в приведенном перечислении Галлии V в. Он имеет в виду коллективную монографию «Fifth-Century Gaul: Crisis of Identity?» под редакцией Дж. Дринкуотера и Х. Элтона [2]. Но если обратиться к самой книге, то можно заметить, что идентичность как понятие в ней встречается не столь часто. Показателен тот факт, что из двадцати восьми статей, составляющих данный сборник, только одна использует в заглавии этот термин, рассматривая галло-римскую идентичность на примере Илария Арльского [3]. Остальные посвящены разнообразным проблемным вопросам Галлии V в. вообще, не фокусируясь на идентичности как таковой. В данном случае понятие «кризис идентичности» использовано как зонтичный термин, отсылающий к вопросу самоопределения жителей Галлии в условиях распада Западной Римской империи и формирования новых, варварских королевств. При этом предполагается, что именно концепция кризиса идентичности наилучшим образом характеризует состояние общественного сознания в этот период. Редакторы этой коллективной монографии Дж. Дринкуотер и Х. Элтон не определяют, что же, собственно, они подразумевают под кризисом идентичности, предполагая только, что доминирующим процессом для Галлии V в. являлось стирание границ между римскостью и варварством, в частности в отношении провинциальной знати [2. Р. 2]. Отсутствие проработки концепции идентичности говорит о ее привычности и конвенциональности для исследователей. Кроме того, очевидно, что на самом деле данная коллективная монография концентрируется не на идентичности, а на проблеме преемственности

между Римской империей и варварскими королевствами. Идентичность же в этом контексте понимается как самоопределение в рамках оппозиции римлянин-варвар.

Таким образом, следует согласиться с Р. Брубейкером в том, что термин «идентичность» в настоящее время прочно вошел в научный тезаурус, используется очень широко – и зачастую нерефлексивно. Конвенциональность концепции идентичности, выше показанная на примере, предполагает герметизацию дискурса [4], т.е. принятие концепции без анализа ее истоков и сущности. Это и имеет в виду Р. Брубейкер, когда говорит о разрушении смысла понятия. Возникает вопрос, насколько оправдано в таких условиях использование концепции идентичности как методологической опоры в историческом исследовании. Цель данной статьи – выявить методологические рамки применения концепции идентичности в исторических исследованиях, посвященных поздней Античности.

Для того чтобы определить эти рамки, необходимо обратиться к истокам формирования концепции идентичности. Данное понятие было введено в широкий научный оборот Э. Эриксоном в контексте его работ о кризисе идентичности. Э. Эриксон определяет идентичность как «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности», формирующееся через «процесс одновременного отражения и наблюдения [себя и других]... постоянной дифференциации [идентификаций]... в постоянном изменении и развитии [личности]» [5. С. 28, 32]. Таким образом, идентичность – психоэмоциональное состояние человека, заключающееся в предельном переживании позитивной самости через идентификацию с группой. Э. Эриксон видит идентичность как индивидуальный феномен, полностью зависящий от актуального социального опыта. В таком понимании идентичность представляет собой описание экстатического переживания. Однако наиболее востребованной оказалась другая сторона этой концепции – определение личности через ее связь с социумом. Идентичность из ощущения тождества превращается в собственно тождество.

В этом смысле показательное развитие идеи идентичности в работах И. Гоффмана, который выделил три ее вида: социальную, личную и эго-идентичность. При этом только последняя представляет собой идентичность в понимании Э. Эриксона, остальные же аккумулируют качества, предписываемые человеку другими (социальная идентичность) и отличающие человека от других (личная идентичность) [6. Р. 127–130]. Это структурирование хотя и делает понятие идентичности более предметным и формализованным, но смещает его смысл с субъективного ощущения на социальное перформативное, оставляя в стороне индивидуальные интенции как определяющие поведение человека [7. Р. 54].

Как пишет Т. Лукман, идентичность – это то, что индивид «думает о самом себе, каков он есть» [8. С. 244], что подразумевает фокус на субъективном самоопределении. Но в то же время «особые исторические социальные структуры порождают *типы* идентичности, которые опознаются в индивидуальных

случаях» [8. С. 280]. Тем самым указывается на связь идентичности не только с обществом, но и с историческими трансформациями, а также на диалектическую реификацию индивидуального и социального в ходе этих трансформаций. Благодаря этим замечаниям идентичность становится диахронной и историчной, что открывает возможность использовать эту концепцию для анализа процессов в режиме долгого времени.

Н. Глэйзер и Д. Мойниган сосредоточились на явлениях, связанных с формированием и оперированием идентичностями в современном обществе. С их точки зрения, существенную роль в формировании или принятии определенной идентичности играют интересы и выгоды индивидуумов [9. Р. 18–19]. Эта инструменталистская трактовка идентичности как самоидентификации с целью получения выгод получила развитие во взглядах В.А. Тишкова, обратившего внимание на так называемый дрейф идентичности, т.е. «путешествие индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем» [10. С. 123]. При этом В.А. Тишков указывает на то, что фактически варианты выбора определяет на данный момент государство через официальную риторику. Таким образом, хотя принятие определенной идентичности происходит произвольно, но рамки конфигураций или типов идентичностей для такого принятия заданы не только исторически, но и политически, с позиций максимальной реализации власти в государстве.

Эта точка зрения находит поддержку и у Р. Брубейкера [1. С. 35–40]. Однако он (как и Б. Латур в несколько ином контексте) рассматривает не только государственную формализацию, но и общественные отношения в целом, указывая, что культурные конфигурации – этничность, раса, нация – «должны быть осмыслены... в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах»; Р. Брубейкер предлагает в этом смысле пользоваться понятием «групповость» как описание события, а не сущности. Групповость является следствием актуальных ситуаций и поэтому нуждается в постоянном поддержании и пересоздании [1. С. 29–31; 11. С. 42–46]. Этим собственно идентичность превращается в ситуативную самоидентификацию.

В защиту стабильности определенных социальных ролей и групп выступает когнитивная антропология в лице М. Блоха: «Группы и роли, поскольку существуют в воображении, имеют свойство сохранять неизменность, в отличие от вечной изменчивости эмпирического...» [12. Р. 113] – тем самым, опорой для групповости может быть относительно постоянная ментальная категория. Это придает концепции идентичности новое дыхание.

Все перечисленные подходы к пониманию идентичности не противоречат друг другу и не отменяют друг друга, поскольку касаются различных аспектов реализации личностного тождества. Однако необходимо подчеркнуть, что в понимании Э. Эриксона идентичность – именно индивидуальное переживание тождества, а не назначение любой связи между инди-

видом и группой. Привнесение в понятие идентичности смысловых значений социальной роли, социально-называния, индивидуально-биографической обособленности и т.п. перегружает и размывает его. В то же время следует согласиться, что достижение идентичности осуществляется не только бессознательно, но и рефлексивно, что в этом выборе играют роль индивидуальные приоритеты и что определенный спектр социальных и культурных конфигураций для такого выбора предзадан как современными, так и историческими структурами как материального, так и духовного характера. Наконец, осуществление самоидентификации может сопровождаться перформативированием старых конфигураций или формированием новых.

Теперь необходимо ответить на вопрос, какие трудности и ограничения встретит подобная теоретическая исследовательская конструкция при попытке ее применения к историческому источнику. В том понимании, которое было постулировано выше, наиболее релевантным является использование концепции идентичности для анализа и структурирования личностных интенций автора эго-источника. В эго-источнике автор либо прямо обозначает свою идентичность, либо проявляет ее через особенности структурного и лексического построения текста. В зависимости от конкретных исторических обстоятельств на первый план выходят различные варианты идентификаций. Чтобы представлять спектр этих вариантов, следует обратить внимание на тот набор социальных и культурных конфигураций (пользуясь формулировкой В.А. Тишкова), который был актуален для автора источника в момент его создания. Такой подход может быть реализован, в частности, в изучении поздней Античности, поскольку от этого периода сохранилось достаточно много эго-источников – сборников писем. Если обратиться в качестве примера к уже упомянутой Галлии V в., то это письма епископов Авита Вьеннского, Руриция Лиможского, Цезария Арльского, но в первую очередь – Сидония Аполлинария.

В этих письмах Сидоний определяет себя как литературного деятеля, формируя в текстах соотносительный с собственной фигурой круг галло-римских интеллектуалов. Он создает для себя (и презентует для других) социальную роль поэта-хранителя римской словесности и культуры, подчеркнуто вневременную и позитивно коннотированную с группами римского золотого века, что дает ему субъективные (и, по его расчётам, объективные) выгоды. В этом смысле он конструирует собственную идентичность. Установление такого тождества обладает значимой позитивной личностной ценностью для Сидония. Это следует, в частности, из его представления о собственных ипостасях поэта и духовного лица как недвусмысленной бинарной оппозиции. Для создания идентичности он с помощью писем создает групповость, которую в течение некоторого времени поддерживает своей литературной деятельностью [13].

Создание этой сети коммуникации описано в исследовании Р. Матисена, посвященном родственным и литературным связям галльской аристократии

V в [14]. Так, в речи, обращенной к своему ученику Феликсу, Сидоний перечисляет ряд значимых для него на тот момент представителей галльской литературной и аристократической среды и похвально отзывается о них [15]. Как подметил Р. Матисен, реверансы Сидония преследовали цель подчеркнуть избранность и относительное превосходство над большинством отдельных писателей, продолжающих классическую традицию золотого века Рима. Отсюда представление Сидонием романской культуры Галлии как в целом клонящейся к упадку с деградирующей системы образования, но при этом имеющей отдельных хранителей и апологетов истинной грамотности [16]. Сидоний формирует личностное социальное пространство и связи в нем с помощью апелляции к образу социально значимого и уникального знания, через похвалы и лестные характеристики и, прославляя других, увеличивает собственное социальное значение.

Сидоний соотносит свою переписку с примером эпистолярного жанра того времени – перепиской Квинта Аврелия Симмаха. Это запараллеливание неслучайно. Сидоний отражает в нем либо действительное сходство литературных кружков Рима конца IV в. и Галлии второй половины V в., либо желаемую лично для него ситуацию. Одно не исключает другое. Интеллектуальные связи, дополняемые, перекрывающиеся и расширяемые родственными отношениями, скрепляли сообщества и группировки внутри аристократии поздней империи. Влиятельности этих сообществ способствовало то, что они интегрировали в свою деятельность политические, философские, религиозные, социальные идеи, разделяемые всеми участниками и корреспондентами. Поэтому литературный кружок одновременно мог играть роль политической партии или группы влияния, фракции, секты, философской школы и т.д.

На основе связей, которые фиксирует Сидоний, – общего дара красноречия, ораторского и поэтического мастерства, образования и эрудиции, интереса к классическому языку – было возможно создать подобную группировку, полезную для него в первую очередь как плацдарм для лоббирования личных карьерных и идеологических интересов. Вне зависимости от того, был ли на самом деле кружок поэтов и риторов в Южной Галлии, сама декларация его существования Сидонием устанавливала соответствующие связи и ассоциации и формировала специфическую идентичность уникальных хранителей римских традиций на фоне общего упадка и варваризации.

Ведущую эго-идентичность Сидония в конкретных исторических условиях (т.е. позитивное личностное тождество определенным культурным конфигурациям в условиях политического и административного кризиса в Галлии V в.) можно определить как грамматик (поэт) – хранитель и распространитель классической римской культуры золотого века. Эта идентичность соотносится с устойчивым паттерном романского общественного сознания, связывающим собственно римскую цивилизацию – *Pax Romana* – с писателями, поэтами и риторами. Сидоний перформатирует данный паттерн, конструируя собственную

культурную конфигурацию и социальную групповость как воплощение этой конфигурации – хранитель римской классики на фоне прогрессирующего господства варварства. Сквозь призму такой самоидентификации он выстраивает свое позиционирование в социуме.

Выявление интенций автора исторического источника с помощью концепции идентичности возможно осуществить и на материале публичных текстов, таких как хроники, летописи, жития, панегирики и др., для чего достаточно задаться вопросом, какие цели преследовал автор текста и для какой аудитории презентировал свой труд [17, 18]. Так, У. Гоффарт в ставшей классической работе «The Narrators of Barbarian History» прямо указывает на интенции Иордана при создании «Гетик» – опровержение претензии римских сенаторов на восстановление имперской идентичности после победы Юстиниана над остготами [19. Р. 103]. Исследователь говорит о том, что позиционирование Иорданом себя как наивного повествователя, необразованного полугота из Мезии, может являться лишь мистификацией для жителей завоеванной Юстинианом Италии. Под этой маской скрывается второй слой литературной игры, понятный только узким кругам в Константинополе и Риме [Там же. Р. 109–110]. Точно так же У. Гоффарт развенчивает убеждение историков периода романтизма в наивности, простоте и объективности «Истории франков» Григория Турского. Задаваясь вопросом об идентичности Григория как историка, У. Гоффарт приходит к выводу, что «История франков» написана в традиции позднеантичных историй церкви. Этим объясняется противопоставление духовных добродетелей и светских пороков в этом труде, соответствующее оппозиции христиан – варвар. Данное противопоставление искусственно подчеркнуто, утрировано, поскольку, по мнению исследователя, Григорий Турский писал скорее сатиру, чем хронику. Сатира в данном случае понимается как литература на злобу дня, актуализированная и рассчитанная на конкретную публику. У. Гоффарт полагает, что Григорий Турский идентифицировал себя с конкретными социальными группами в Клермоне и Туре, говорил от их имени и о насущных для них темах [19. Р. 229]. В свете такой трактовки смысловые пласты исторических источников раскрываются более полно. Использование элементов концепции идентичности способствует результативности подобного анализа и поэтому является полезным для исследования публичных текстов.

Вопрос о том, насколько возможно оперирование концепцией идентичности применительно к персонажу, чья фигура отражена только в виде описания или иных референций в исторических текстах, более сложен. Доказательная база в этом случае существенно меньше, а степень исследовательской условности и интерпретативности больше. Тем не менее при конвенциональном согласии исследователей относительно биографии исторического персонажа и его ситуациях выбора возможно моделирование проявлений идентичности. Необходимым условием подобного моделирования является критика источника. Иден-

тичность исторического персонажа опосредована идентичностью автора источника, из-за чего важно сопоставление данных различных авторов. В качестве примера можно сослаться на собственный опыт автора данной статьи, в свое время обращавшегося к концепции кризиса идентичности в поисках объяснения действий Гайны, заметной исторической фигуры Восточной Римской империи IV в. Гайна, полководец варварского происхождения, поднял восстание в 399–400 гг., занял Константинополь, но затем покинул его и закончил свои дни, пойманный и убитый гуннами в землях варваров за Дунаем. Кажущаяся непоследовательность поступков Гайны может быть лучше понята, если принять во внимание его двойственное положение – он одновременно римский военачальник и вождь варваров. Провалившиеся попытки соответствия личному представлению о службе императору стали причиной кризиса идентичности и потери стратегических жизненных приоритетов. Бегство Гайны за пределы империи в этом смысле видится как символический отказ от римской идентичности в пользу варварской [20. С. 249]. Подробности восстания и последующих событий хорошо освещены в исторических источниках, в том числе очевидцем Синезием Киренским, современниками Филосторгием и Сократом Схоластиком, а также более поздними историками Созоменом и Зосимом, что не дает оснований сомневаться в основных фактах. Однако все свидетельства представляют только точку зрения римлян, поэтому любая реконструкция на их основании интенций варваров по необходимости интерпретативна.

Ограничения в проведении исследования сквозь призму идентичности накладывает не только предмет самого исследования, но и фреймирование методологической концепции. Исследователь с необходимостью предполагает какую-либо идентификацию ведущей в рассматриваемой им ситуации, поскольку ему представляется, что, исходя именно из этой позиции, наиболее полно объясняется поведение исторического персонажа. Однако это не отменяет возможности рассмотрения ситуации с позиции другого понимания идентичности и, соответственно, моделирования другой интенциональной последовательности. В методологическом смысле все подходы базируются на исследовательском предположении и поэтому равнозначны. Так, П. Амори в своей работе, посвященной идентичности в остготской Италии, уравнивает идентичность с этничностью и сосредотачивается на специфике использования этнических понятий в римских источниках, где с их помощью описывались идеологические, социальные, профессиональные и региональные сообщества. Как он отмечает, в V–VI вв. «племя» означало армию, а «варвар» – солдата. Более того, одни и те же люди могли обретать в разных случаях различную идентичность: солдат-налогоплательщик, проживавший на территории Италии, являлся готом в качестве солдата и римлянином в качестве налогоплательщика-италика [21. Р. 13, 25]. Неудивительно, что при таких взглядах П. Амори позиционирует себя как конструктивиста в методологической трактовке идентичности. Для него воображае-

мая природа идентичности не подлежит сомнению; идентичность существует только в человеческом сознании [21. Р. 15]. Соответственно, официальные идеологии готских королей или константинопольских императоров, на базе которых создавались исторические источники, способны не только репрезентировать, но и изменять мнение людей о самих себе [Там же. Р. 39]. В то же время П. Хизер не согласен с этой, по его определению, «манипулятивной» трактовкой этнической идентичности. Он выступает с позиций «сильного» подхода, указывая, что стойкое чувство идентичности передается от поколения к поколению и определяет поступки индивидов, противостоя любой манипуляции. Пытаясь обосновать это утверждение, П. Хизер ссылается на четкое осознание готами своей «готскости» еще до переселения на территорию Римской империи (беря в пример тервингов Атанариха). Впрочем, здесь же он оговаривается, что вопрос с этнической идентификацией различных групп готов небесспорный, анализируя участие в готских группировках гуннов, аланов, ругиев и др. [22. Р. 65–66]. Таким образом, методологическая дискуссия антропологов была унаследована историками без явной победы какого-либо подхода. Однако разнообразие подходов, как показывает данный пример, является полезным с эпистемологической точки зрения, поскольку способствует расширению аналитических исследований, включению в научный оборот нового материала и комплексности понимания исторической ситуации.

Как справедливо отметил Р. Брубейкер, идентичность в современном обществе одновременно является категорией научного анализа и категорией практики – частью политической и социальной риторики. Это создает проблему смешения эмпирического и теоретического начал [1. Р. 69]. Однако при обращении к историческому материалу эта проблема снимается, поскольку дискурс вокруг идентичности до конца XIX в. отсутствует. Поэтому в данном случае выявление и именование некой идентичности не может быть целью исследования, поскольку, по сути, выявляется и именуется собственный мысленный конструкт исследователя. Более корректно задаваться вопросом, как исторический персонаж выстраивал свою жизненную стратегию, как адаптировал ее к изменениям ситуации и насколько успешными были его решения в условиях системного общественного кризиса, а концепцию идентичности использовать для поиска ответа на этот вопрос.

Таким образом, несмотря на критику Р. Брубейкера, концепция идентичности (при отчетливом ее понимании) обладает несомненным объяснительным потенциалом при исследовании жизненных стратегий и интенций исторических персонажей. С ее помощью индивидуальные решения и действия, отраженные в историческом источнике, могут быть интерпретированы как цельная и непротиворечивая последовательность, основанная на стремлении установить тождество с референтными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 400 p.
3. Heinzelmann M. The "affair" of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman identity in the fifth century // Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 239–251.
4. Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М. : АСТ, 2003. С. 349–368.
5. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. 352 с.
6. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London : Pelican, 1968. 168 p.
7. Manning P. Erving Goffman and Modern Sociology. London: Polity Press, 1992. 202 p.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Меднум, 1995. 323 с.
9. Glazer N., Moynihan D. Introduction // Ethnicity: Theory and Experience. Harvard : Harvard University Press, 1975. 531 p.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 543 с.
11. Латур Б. Пересборка социального. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
12. Bloch M. Anthropology and the Cognitive Challenge. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 234 p.
13. Waarden J.A. van. Writing to Survive. Leuven : Peeters, 2010. 659 p.
14. Mathisen R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109.
15. Sidonius Apollinaris. To Felix // Sidonius. Poems and Letters. Harvard : Harvard University Press, 1936. Vol. I. P. 172–197.
16. Mathisen R.W. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul // Classical Philology. 1988. Vol. 83, № 1. P. 45–52.
17. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы истолкования летописных текстов. М. : Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
18. Шибига И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М. : Изд-во МГУ, 1997. 144 с.
19. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton : Princeton University Press, 1988. 492 p.
20. Коньков Д.С. Готы и империя: восстание Гайны как кризис идентичности // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 245–249.
21. Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 548 p.
22. Heather P. The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century. Woodbridge : Boydell & Brewer Ltd., 2003. P. 41–72.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июня 2016 г.

DOES HISTORY NEED IDENTITY: THE CRITIQUE OF IDENTITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 79–84.

DOI: 10.17223/15617793/409/12

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: identity; history; methodology of history; historical source; Sidonius Apollinaris.

The problem of the use of the identity concept in the studies of historical persons' life strategies is analyzed in the article. The article is based on R. Brubaker's criticism of the identity concept. The structure of the article is determined by an absentee dialogue with R. Brubaker concerning the possibilities of using the identity concept in historical research. The epistemological potential of the identity concept is shown on the example of Sidonius Apollinaris, a Gallo-Roman aristocrat, poet, orator and politician of the fifth c. AD. The article is divided into three thematic sections according to three problematic frames. The main currently existing interpretations of identity are given in the first section; the second section is about the problem of methodological complementarity between the identity concept and the historical source; the third section presents the experience of using the identity concept to understand a man in the past on the example of Sidonius Apollinaris. The meaning of identity is understood as an individual experience of sameness with any social or cultural configuration. The way identity is achieved is both unconscious and reflexive. The range of social and cultural configurations to choose from is preset. Implementation of self-identification may be achieved by the performance of an old configuration or the formation of new ones. The most relevant is the use of the identity concept for the analysis and structuring of author's personal intentions in the ego-source. In this case the author either directly represents his identity or shows it through the structural and lexical features of the text. It is also possible to reveal intentions of historical public text authors by using the concept of identity. We should ask ourselves what goals the author of the text pursued and what audience his work is for. The use of the concept of identity is comparatively more complicated in the way of research of a particular historical character, whose image is described in historical texts only. In this case the basis for a good research is much smaller, and the possibility of interpretative and impressionistic implementations is higher. Another problem point is that the concept of identity is preliminarily implied by the researcher according to his personal views and experience. However, this does not negate the possibility of the analysis according to another perspective, which is inevitably followed by a different intentional sequence modeling. In the methodological sense, all approaches are based on a preliminary assumption and thus are equivalent. The diversity of approaches itself is beneficial for the creation of knowledge. Despite R. Brubaker's criticism the identity concept (strictly and correctly defined) has an undoubted explanatory potential in the study of historical persons' life strategies and intentions. Individual decisions and actions, as reflected in historical sources, can be interpreted as a complete and consistent sequence based on the desire to establish an identity with referential values.

REFERENCES

1. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Moscow: Higher School of Economics.
2. Drinkwater, J. & Elton, H. (eds) (1992) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge: Cambridge University Press.
3. Heinzelmann, M. (1992) The "affair" of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman identity in the fifth century. In: Drinkwater, J. & Elton, H. (eds) *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge: Cambridge University Press.
4. Marcuse, G. (2003) *Odnomernyy chelovek* [A One-Dimensional Man]. In: Marcuse, G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and Civilization. A One-Dimensional Man]. Translated from English by A.A. Yudin. Moscow: AST.
5. Erikson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Flinta: MPSI: Progress.
6. Goffman, E. (1968) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. London: Pelican.
7. Manning, P. (1992) *Erving Goffman and Modern Sociology*. London: Polity Press.
8. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
9. Glazer, N. & Moynihan, D. (1975) Introduction. In: Glazer, N. & Moynihan, D. (eds) *Ethnicity: Theory and Experience*. Harvard: Harvard University Press.
10. Tishkov, V. A. (2003) *Rekviev po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: a study on the socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
11. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo* [Rebuilding the social]. Moscow: Higher School of Economics.
12. Bloch, M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Waarden, J.A. van. (2010) *Writing to Survive*. Leuven: Peeters.
14. Mathisen, R.W. (1981) Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul. *Transactions of the American Philological Association*. 111. pp. 95–109.
15. Sidonius Apollinaris. (1936) To Felix. In: Sidonius. *Poems and Letters*. Vol. 1. Harvard: Harvard University Press.
16. Mathisen, R.W. (1988) The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. *Classical Philology*. 83:1. pp. 45–52.
17. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let: germeneticheskie osnovy istolkovaniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: hermeneutical bases of interpretation of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-Press.
18. Shibaga, I.Yu. (1997) *Slav'sya, imperator! Latinskie panegiriki ot Diokletiana do Feodosiya* [Hail, Emperor! Latin eulogies from Diocletian to Theodosius]. Moscow: Moscow State University.
19. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
20. Kon'kov, D.S. (2012) Goty i imperiya: vosstanie Gayny kak krizis identichnosti [The Goths and the empire: Gayna's uprising as an identity crisis]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 321:6. pp. 245–249.
21. Amory, P. (2003) *People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Heather, P. (2003) The Creation of the Visigoths. In: Heather, P. (ed.) *The Visigoths from the Migration Period to the Seventh Century*. Woodbridge: Boydell & Brewer Ltd.

Received: 16 June 2016